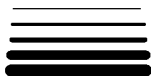
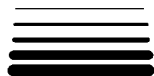

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Рецензии, аннотации, отзывы

**И.Л. ПОЛОТОВСКАЯ. СМЕРТЬ И САМОУБИЙСТВО:
РОССИЯ И МИР (Историко-культурологическое развитие
проблематики с древнейших времен до наших дней). — СПб.:
Дмитрий Буланин, 2010. — 328 с.**

Т.В. ШИПУНОВА

Тема смерти (и суицида) во все времена привлекала людей мыслящих, стремящихся постичь тайны бытия: смерть — это рубеж, дальше которого человек не может заглянуть, не может помыслить себя, свои действия, желания, ощущения. У живого человека нет и чувственного опыта пребывания в смерти. Конечно, часть людей имеет опыт умирания (клиническая смерть, тяжелая болезнь), более того, некоторые считают, что мы обречены приближаться к смерти (медленно умирать) с самого рождения, но умирание еще не есть смерть. Эта внечувственность и внерациональность делают феномен смерти (и суицида) неуловимым, таинственным, допускающим прямо противоположные подходы и трактовки. Отсюда и разное видение суицида: как вызов жизни и как отказ от нее...

Книга И.Л. Полотовской интересна по композиции: сначала автор рассматривает понимание и определение смерти в разные эпохи, затем переходит к рассмотрению суицида в философско-культурологическом контексте, и завершает монографию российской историей отношения к смерти и суициду. Монографию характеризуют удачное изложение материала, которое трудно sobлюсти при таком количестве привлекаемых источников и точек зрения: приводимые автором цитаты и рассуждения мыслителей умело и логично перемежаются рассуждениями самого автора, и текст воспринимается как целостный, непрерывный, логично и органично продолжаемый от одного положения к другому.

Первая глава, «Танатология — наука о смерти», с первых страниц выводит читателя из мира обыденного, пробуждает глубинные пласты сознания в поисках ответов на вопросы: что же такое смерть, что она собой представляет и что ожидает нас после того, как мы перешагнем рубеж? Читателю предлагаются самые разные точки зрения. Назовем лишь некоторые имена: Ф. Ницше, С. Киркегор, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, О. Шпенглер, А. Роннел, Э. Левинас, А. Дастр, М. Кундера, Л. Гумилев, К.Г. Юнг, М. Фуко, Эпикур, А. Шопенгауэр, С. Роуз, Э. Фромм, Э. Тэйлор, Платон, Ф. Арьес, В. Франкл, М. Полани, З. Фрейд и многие другие. Рассматривается отношение к феномену смерти в мифологии и разных религиях. Представлены рассуждения об отношении к смерти, переживании страха смерти, личностном знании о смерти, проблемы смерти и этики.

И.Л. Полотовская особо выделяет тему смерти и этики, вопросы биоэтики, которая стремится переосмыслить традиционные философско-этические проблемы: понимание человека, значение жизни, критерии живого и неживого. Эти вопросы приобрели особую актуальность в связи с развитием медицины, биологии, генной инженерии, применением в здравоохранении высоких технологий. Данная тема напрямую касается и России. В том числе и потому, что особенности нашего менталитета и социально-политическая ситуация таковы, что жизнь человека, как и его смерть, перестали быть чем-то важным. А как справедливо указывает автор монографии, «отношение к смерти можно считать эталоном или индикатором характера цивилизации...». И.Л. Полотовская, опираясь на мнение М. Фуко, подводит читателя к теме узурпации властью права на смерть: «...давно опорой порядка в цивилизованных обществах выступает не право на смерть, а управление жизнью» (С. 39). Действительно, старание замалчивать тему смерти, непринятие закона об эвтаназии, порицание суицида, низведение суицидентов до разряда второсортных людей, а также помещение их на лечение в психиатрические лечебницы (при незавершенном суициде), которое практикуется в России по сей день — все это убеждает в правоте приведенного утверждения. Подтверждает это и делящаяся дискуссия о смертной казни.

Материал второй главы («Суицидология — наука о суициде») логично продолжает первую, рассматривая суицид в контексте танатологии. Безусловный интерес представляет обзор определений суицида, проведенный автором по энциклопедическим справочникам и словарям разных стран начиная с XVII в. до наших дней. И это такие источники, как «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» (Франция, 1765), «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (Россия, 1890 — 1907), Энциклопедия Американа (США, 1946), Испанский энциклопедический словарь (Испания, 1955), «Большой Брокгауз» (Германия, 1956, 1973), единственная в своем роде «Энциклопедия суицида» (США, 1988) и др. Генезис понятия, изменение суждений об изучаемом предмете интересен и сам по себе и в плане выявления отношения к феномену, поскольку в энциклопедических изданиях обычно фиксируется типичное представление эпохи. Для более полного представления о сущности суицида автор привлекает специализированные научные словари и энциклопедии: социологический, медицинский, толково-образовательный и др.

В специальном параграфе («Сущностное определение суицида») уточняется понимание суицида с привлечением данных физиологии, психиатрии, психологии и других наук о человеке. Рассмотрено влияние на суицид психических расстройств, идеалов и ценностей, дисморфофобических расстройств, трансформированного сознания и т.п. Следует отметить последовательную гуманистическую позицию автора при рассмотрении суицида: «суицид — это один из естественных вариантов ответа на кризис существования» и в этом смысле он нормален (С. 84), а «право на суицид органически завершает полноту прав человека, являясь правом на предельное самоопределение собственного существования» (С. 84 — 85).

Продолжает историко-культурологический обзор рассмотрение суицида в разные периоды общественного развития. Материал параграфа состоит из нескольких блоков: сведения о суициде, почерпнутые из мифов;

отношение к самоубийству в мировых религиях; правовое оформление отношения к суициду в разных странах; внимание к теме суицида в литературе. Автор обозначает основные тенденции и динамику отношения к суициду в разные эпохи развития человечества. Несмотря на сжатость и краткость изложенного материала, читатель может получить основные сведения о влиянии культуры на суицид. Логичным дополнением здесь выступает параграф главы «Самоубийство и эстетика: Восток и Запад». И.Л. Полотовская далека от романтизации суицида, поскольку, опираясь на ее собственное высказывание, «достойно умереть — это самое трудное; и самоубийство, как правило, не является изысканной или благородной смертью» (С. 86).

В книге представлен также эстетический аспект смерти в целом, данный в искусстве и литературе. Влияние культуры здесь рассматривается на примерах индивидуального и ритуального (сати, харакири) суицидов. Эстетику суицидов, по П.Ф. Булацелю, характеризуют три момента: место, степень деструкции тела/лица (зависящую от средства) и переживания окружающих людей от вида трупa (зависящие и от способа/вида, и от средства) (С. 122). В заключении делается вывод: «...чем свободнее человек как личность, чем менее ритуализирована жизнь общества, тем более индивидуален его добровольный уход из жизни, тем более личностно окрашена эстетическая аура суицида...» (Там же). От рассуждений об эстетике суицида читателя возвращает к реальности продолжение в виде перечня способов самоубийства (С. 124).

Автор отмечает основные направления развития и точки зрения на суицид: социологическую, антропологическую, психиатрическую, отдавая основное предпочтение рассмотрению суицида в философии, поскольку «суть суицида можно раскрыть и постичь лишь в рамках философии...» (С. 113). Действительно, осмысление индивидуальной смерти и ее конкретного инструментального выражения в суициде требует использования философских категорий, понятий, при помощи которых формировались и формируются знания о бытии, жизни, смерти, человеке и т.д. Более того, сами эти понятия давно стали философскими категориями. Вместе с тем, нельзя недооценивать рассмотрение феномена суицида как социального (т.е. массового) явления. Каждый год в мире кончают с собой 500 тыс. человек. В России каждый год кончают жизнь самоубийством примерно 60 тыс. чел. (для сравнения: 30 тыс. американцев, 25 тыс. японцев, 20 тыс. французов). Реально цифры в 2 — 4 раза выше. А количество неудачных попыток ухода из жизни в 7 — 10 раз выше законченных суицидов. За последнее десятилетие в 3 раза выросло число самоубийств среди молодежи. Большинство смертей от «несчастных случаев» (передозировка лекарственными препаратами, автомобильные аварии, падение с высоты и т.д.) также являются суицидами. Попытку уйти из жизни делает каждый 20-й подросток. Эти цифры настойчиво свидетельствуют о том, что самоубийство стало массовым явлением, которое может и должно изучаться социологией.

Однако, по мнению автора, «социологическая теория рассматривает суицид в основном как результат разрыва личностных связей, отчуждения индивида от социальной группы» (С. 197, сноска). Поэтому автор не обращается к работам социологов, объяснение социологического направления

дается в сноске, а фамилия Э. Дюркгейма и его работа «Самоубийство: социологический этюд» упоминается лишь мельком (Р. Мертону не повезло больше, его фамилия даже не упоминается). Думается, что недооценка вклада социологии в изучение социальных детерминант суицида не оправдана и лишает читателя весомой части накопленных знаний о предмете монографии. Справедливости ради отметим, что некоторые положения, в том числе и закономерности, выявленные Э. Дюркгеймом, автор представил в сносках Введения.

Нельзя обойти вниманием еще один вопрос, затронутый в данной главе — вопрос об эвтаназии (параграфы «Эвтаназия», «Эвтаназия и этика: право на смерть»). Часто эвтаназию рассматривают как убийство. Но если это убийство, что же такое милосердие?! Ответ автора очевиден, и для любого, кто ценит жизнь и Человека, он может быть один — дозволение эвтаназии. Интерес представляет не столько поддержка автором разрешения на эвтаназию (которую И.Л. Полотовская рассматривает как вид самоубийства), сколько история формирования самого понятия, трансформация отношения к этому явлению, а также содержание неутрачивающей дискуссии о приемлемости или неприемлемости эвтаназии. Продолжая линию сравнения Востока и Запада в трактовке смерти, автор рассматривает два типа гуманизма: «...рациональный, подкрепленный правом личности на самодетерминацию, стремящийся утвердить смысл жизни, основанный на... отсутствии страдания... и иррациональный... утверждающий самоценность каждого мгновения жизни, включая переход к окончанию земного пути» (С. 131). С опорой на разных авторов, законодательные документы отдельных стран, религиозные догмы И.Л. Полотовская представляет многочисленные рассуждения о пассивной и активной, добровольной и недобровольной эвтаназии. Красной линией проходит поиск ответов на вопросы — существует ли право на смерть и существует ли право человека, выбравшего смерть, на помощь медика? Медицинские работники скорее нарушают клятву Гиппократова, когда не помогают человеку достойно уйти из жизни, избавляясь от неизлечимой болезни.

Рассматривая специфику суицида, его понимание и отношение к нему в России (глава третья **«Россия в теме»**), И.Л. Полотовская начинает с отношения к теме смерти в ментальности русского народа, которая формировалась всей историей России. Специфическими признаками здесь, в первую очередь, выступают: чрезмерная болезненность (С. 147), вытекающая из «утопического сознания, в основе которого лежит стремление к совершенству, к выходу за собственные пределы, к преодолению себя». «В утопическом сознании смерть становится нормой; жизнь героя приносится в жертву» (С. 148). Автор соглашается, что «можно охарактеризовать предреволюционное состояние общественного сознания в России в начале XX в. как некрофильское; смерть романтизировалась, увеличилось число самоубийств» (С. 149). По мнению И.Л. Полотовской, «российская специфика позволяет выделить в психологических и культурологических предпосылках самоубийства три момента: маргинальность, криминализацию населения, склонность к упрощенным рациональным способам объяснения» (С. 150, сноска). Кроме специфики ментальности для России свойствен «более взвешенный и дифференцированный подход к самоубийству» в праве: «законы, карающие суицид, постоянно уточня-

лись и дополнялись» (С. 151). Этот тезис автор подкрепляет выдержками из церковного и светского законодательства (параграф «Правовой аспект проблемы самоубийства в историческом развитии»).

Тема смерти и, тем более, самоубийства последовательно табуировалась в советский период (С. 155). В конце XX – начале XXI века произошла духовная катастрофа, которая имела следствием возврат к некрофильской ментальности, имеющей, однако, на новом этапе «гораздо более зловещий характер» по сравнению с началом XX в. «Теперь без смерти, пыток, автокатастроф, убийств мир кажется пресным...» (С. 165). Изменился интерес и к смерти, превратившись в своего рода «танатоманию» (С. 157). В подтверждение И.Л. Полотовская приводит результаты мониторинга телепередач и фильмов, демонстрируемых на российских каналах (С. 157 – 160). В этом контексте парадоксально выглядит и проблема эвтаназии. Основываясь на мониторинге и содержательном анализе телепередач, И.Л. Полотовская приходит к выводу: «...педалирование в СМИ темы эвтаназии сознательно происходит для создания отрицательного к ней отношения» (С. 163). «С другой стороны, – пишет автор – откуда в России... могут появиться предпосылки широкого признания и применения этого жизненно важного ритуала?.. Акта, требующего от самого общества достаточно высокого нравственного, духовного и культурного уровня...» (С. 163 – 164).

Читающей публике, безусловно, интересно будет познакомиться с обзором тем «Самоубийство и советский писатель», «Самоубийство в Русском литературном зарубежье», «Тема самоубийства в творчестве Ф.М. Достоевского (как самого «самоубийственного» русского писателя), «Тема самоубийства в русской литературе. Первая половина XX в.». Пересказать материал этих параграфов невозможно, его нужно читать, следуя за отсылками к произведениям, вспоминая героев и их судьбы.

Монография И.Л. Полотовской включает два приложения: 1) библиографический обзор **«Основные монографии и сборники, тематически связанные с самоубийством, изданные в России с 1980 по 2007 г.»**; 2) **Библиографические информационные ресурсы по проблематике (Метабиблиография)**. В этом плане автором проделана огромная работа и выполнена она добротно, глубоко и основательно.

Монография И.Л. Полотовской – это целостный, законченный труд, который с интересом будет встречен как научной общественностью, так и широким читателем. Автору присуще замечательное языковое чутье, а потому ему удастся органично соединить философское осмысление проблематики суицида и смерти, мифологию, литературоведческие изыскания. И самое главное – тема смерти и суицида настраивает не на мысли о смерти, а на мысли о жизни. А это и есть философское видение проблематики, которое заставляет человека ощутить жизнь и смерть как целостность, неразрывность бытия.